

ПРОУЧАВАЊЕ
СРЕДЊОВЕКОВНИХ
ЈУЖНОСЛОВЕНСКИХ
РУКОПИСА

СРПСКА АКАДЕМИЈА НАУКА И УМЕТНОСТИ

ОДЕЉЕЊЕ ЈЕЗИКА И КЊИЖЕВНОСТИ

ПРОУЧАВАЊЕ СРЕДЊОВЕКОВНИХ
ЈУЖНОСЛОВЕНСКИХ РУКОПИСА

ЗБОРНИК РАДОВА СА III МЕЂУНАРОДНЕ ХИЛАНДАРСКЕ
КОНФЕРЕНЦИЈЕ ОДРЖАНЕ ОД 28. ДО 30. МАРТА 1989.

УРЕДНИК ПАВЛЕ ИВИЋ

БЕОГРАД 1995

ОКОЗРИТЕЛЬНЫЙ УСТАВ. СЕРБСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЕ И БЫТОВАНИЕ В РОССИИ

БОРИС ДАНИЛЕНКО (Москва)

В богослужении Русской Церкви значительное место, наряду с почитанием вселенских святых и святых, прославленных в России, занимают памяти святых славян. Это вполне закономерно, ведь путь христианства на Русь лежал через славянские страны, а носителями христианской культуры, в том числе и литургической, для русских стали населявшие Балканы народы.

Процесс этот не носил одностороннего характера. Современные исследователи¹ отмечают проникновение в южнославянские месяцесловы уже с конца XII в. памяти русских святых — благоверных князей и страстотерпцев (мучеников) Бориса и Глеба (24 июля) и преподобного Феодосия Печерского (13 мая), а также празднеств, связанных исключительно с русской богослужебной традицией — освящения церкви святого великомученика Георгия в Киеве (26 ноября) и перенесения мощей святителя Николая из Мир Ликийских в Бари в 1087 г. (9 мая).

Среди оригинальных памятников Русской Церкви особое место занимает Окозрительный устав архиепископа Новгородского и Псковского Геннадия (+1505). Этот памятник, не привлекавший до последнего времени должного внимания исследователей, представляет собой результат творческого и осмысленного отношения к известным литургическим изменениям, происшедшим в России в XIV—XVI вв. в связи с распространением Иерусалимского устава, совершенно вытеснившего к началу XVIII в. устав Студийский.

Время активного бытования в России Окозрительного устава исчисляется с момента его появления в Новгороде на рубеже XV и XVI столетий и ограничивается концом XVII столетия, когда он

1 Стефановић Д. Е., *Прилог проучавану месецеслова XIII и XIV века*. — Доклад на X-ом междуна-

родном конгрессе славистов (София 1988).

становится менее распространенным. И поэтому не случайно, что многочисленные его списки, сводящиеся к 5 основным редакциям, содержат немало следов преобразований и изменений, характерных для русской богослужебной практики того времени.

Можно отметить, что как сама ситуация, предопределившая возникновение Окозрительного устава, так и обстоятельства, оказавшие влияние на содержание его редакций, во многом обязаны южнославянским и, в частности, сербскому влиянию.

Наиболее значительными факторами обогащения литургической традиции Русской Церкви за счет этого влияния можно считать:

- деятельность Хиландарской обители на Афоне, равно как и само присутствие сербских иноков на Святой Горе,
- труды святителя Киприана, митрополита Киевского и всея России (+1406),
- творчество сербского гимнографа Пахомия Логофета, жившего на Руси в XV в.

Поэтому и не удивительно, что в составе некоторых списков Окозрительного устава можно видеть элементы сербской литургической практики, а именно — указания на совершение памяти сербских святых. Кроме того, само его появление связано с желанием систематизировать и типологизировать весьма обильный гимнографический материал, пополнивший русские минеи к XV в. творениями Пахомия Логофета, а затем и его русских последователей.

История богослужения в Русской Церкви делится на три периода, каждый из которых связан с преимущественным бытованием одного из трех видов устава: Устава Великой Церкви, Студийского и Иерусалимского уставов.

Первый, связанный с традицией богослужения Софии константинопольской — Великой Церкви, стал регулятором литургической жизни на Руси со времени принятия христианства святым Владимиром и его народом.

Говорить о каких-либо славянских переводах на Руси Устава Великой Церкви в X—XII вв. не приходится. Считалось, что первый славянский фрагмент был „списан в 1279 г. боголюбивым Климентом архиепископом Новгородским“.² Судить о богослужении нашей церкви именно по Уставу Великой Церкви можно лишь по самым ранним из известных науке триодям, потребникам и служебникам. Интересно, что следы Устава Великой Церкви находили место в богослужебной практике Русской Церкви еще в XVIII в., о чем свидетельствуют соборные чиновники позднего времени, хотя уже в

2 Лисицын М. А., *Первоначальный славяно-русский Типикон*. СПб. 1911. С. 115.

конце XIII в. некоторые его особенности, сохранившиеся в тогдашней практике, вызывали недоумение у клириков, привыкших к господствовавшему в то время Студийскому уставу.

Трудно однозначно указать все причины, по которым упомянутый Студийский устав „взял верх“ в России над Уставом Великой Церкви. Но в первую очередь интерес к нему, возникший в монашеской среде, был обусловлен его простотой и практической применимостью в Лавре преподобного Феодосия Печерского.

Интересно, что Студийский устав, ставший „писанным“, а не передаваемым устной традицией, по инициативе Патриарха Константинопольского Алексия,³ выходца из Студийской обители, очень скоро стал известен на Руси. Преподобный Феодосий в 1062 г. заинтересовался типиком славного монастыря и сделал заказ на его „списание“ — перевод с греческого — Ефрему Скопцу, киевскому монаху, жившему в Студийском монастыре.

Самый авторитетный славянский текст Студийского устава как по времени написания (XII в.), так и по полноте представлен рукописью Синодального собрания, ныне находящегося в Государственном историческом музее в Москве.⁴

Студийская богослужебная традиция господствовала на Руси до XV в., когда появившийся у нас в последней четверти XIV в. Иерусалимский устав стал постепенно приобретать популярность.

Здесь уместно вспомнить перечисленные выше факторы, повлиявшие на русскую литургическую традицию. „Южнославянское влияние на наше литургическое творчество произвело неизбежно некоторую ломку в типе наших служб, составлявшихся ранее применительно к бывшему на Руси в силе Студийскому уставу, заимствованному преп. Феодосием Печерским“.⁵

Вслед за сербскими и болгарскими братьями мы, русские, заимствовали Иерусалимский типик. И именно общение наших иноков на Святой Горе, равно как и деятельность митрополита Киприана, явились главными причинами такого преобразования, изменившего не только практику соборных и монастырских служб Святой Руси, но и направление развития русской гимнографии, да и всего церковного искусства.

Некоторые современные музыковеды отмечают определенный „перелом“ в характере русского богослужебного пения, заметный уже во второй половине XV в., связывая его возникновение со сменой типика на Руси.⁶

3 Занимал константинопольскую кафедру с 1025 по 1043 гг.

4 ГИМ, Синодальное собр., N 380 (330).

5 Спасский Ф. Г., *Русское литурги-*

ческое творчество. Париж 1951. С. 98.

6 Это мнение было высказано Божидаром Карастояновым на основании результатов его наблюдений за изменениями типа нотации русских певческих рукописей.

Простой и немноготиповой в вариантах суточных служб Студийский устав отошел в тень. Всенощное бдение со всем возможным набором элементов минейных текстов сменило в качестве образца лаконичные по гимнографическому материалу студийские „праздники“.

И в это время деятельность серба Пахомия Логофета дала определенный импульс развитию русской гимнографии.⁷

Заслуживает внимания тот факт, что Студийский и Иерусалимский уставы, появившиеся в письменном виде на православном востоке почти одновременно и сосуществовавшие там в монашеской среде,⁸ в России не только сменили один другого, но и стали причиной некоторых „коллизий“. Это касается, в первую очередь, традиций соблюдения поста. Однако следует отметить, что хотя Иерусалимский устав и вытеснил в России почти повсеместно уже в XVI в. Студийский, некоторые северные обители по свидетельству святителя Димитрия Ростовского (1651—1709) еще в его время пользовались Студийским уставом.⁹

Иерусалимский устав в России распространился в огромном количестве списков.¹⁰ Давая основания для оправдания известной поговорки — „в чужой монастырь со своим уставом не ходят“, — организаторы и исполнители работ по переписке типика вносили в его состав изменения и разнообразный дополнительный материал.

В результате в наше время непросто говорить об определенном числе редакций устава. Почти каждый из известных науке списков Иерусалимского устава начиная с XV в. представляет в содержательном отношении его новую редакцию.

Своеобразным завершением истории этих многочисленных рукописных редакций стали издания в XVII в. в Москве Иерусалимского устава, давшие четыре печатные редакции (1610, 1633, 1641, 1682 гг.).

Наименование в русской традиции вариантов Иерусалимского устава „Оком церковным“ вплоть до издания Московского печатного двора 1641 г. указывает на особую его авторитетность. Ведь евангельское „око“, которое есть „светильник телу“ (Мф. 6, 22), невольно подсказывает нам пару соответствий:

тело : церковь

око : устав

И действительно, многообразные списки устава иерусалимского типа, представленные в рукописных собраниях нашей страны, со-

7 Спасский Ф. Г., Указ. соч. С. 101—131.

8 О бытовании на православном Востоке трех основных типиконов: Студийского, святой Горы и Иерусалимского свидетельствует Никон Черногорец, автор XI в. — См.: *Тактикон*. Почаев 1794.

9 Мансветов И. Д., *Церковный устав (Типик). Его образование и судьба в Греческой и Русской Церкви*. М. 1885. С. 127.

10 Только *Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР* (М. 1986) указывает более 50 списков.

держат как переводные с греческих оригиналов, так и оригинальные главы-статьи по вопросам особо значимым в жизни церкви и не относящимся непосредственно к богослужению и монастырской дисциплине.

Однако всевозможные главы дополнительного характера не составляли „костяк“ славянских типиков. Своеобразным стержнем устава была и остается до сих пор его месяцесловная часть.

Месяцеслов, как справедливо отмечалось,¹¹ часто встречается в различных богослужебных книгах или, по распространенной в советском славяноведении до последнего времени конспиративной терминологии, — „сборниках традиционного содержания“ — служебных Евангелиях, Апостолах, Псалтирях, Часословах и прочих, но наиболее подробные его варианты находятся в составе богослужебных Уставов — Типиков.¹²

Месяцесловы часто являются наиболее объемной частью (главою) различных вариантов богослужебных уставов, распространенных в практике православных поместных церквей. Это характерно, например, для редакций типика, до сих пор имеющего хождение в Русской Церкви. 48-я глава нашего Типикона, восходящего к московскому изданию 1682 г.,¹³ занимает 3/5 его объема.

Месяцеслов в составе типиков функционально является богослужебным комментарием на каждый день года. Он, наряду с комментарием на триодно-пасхальный цикл, как правило, расположенным в „соседних“ главах, не только излагает чин службы, но и приводит первые слова, а часто — и полный текст тропарей, кондаков, стихир и прочих гимнографических и псалмодийных элементов службы. Встречаются и начальные элементы ветхозаветных паримий, равно как и новозаветных чтений-зачал. Особый интерес в текстах некоторых месяцесловов вызывает и указание начальных слов святоотеческих чтений. По причине неполноты материала, находящегося в минеях, месяцесловы становятся важным подспорьем в деле реконструкции лекционара святоотеческих чтений, использовавшегося как в практике Древней Церкви, так и в русской богослужебной практике.¹⁴

Однако в наиболее подробных месяцесловах можно встретить и комментарии историко-литургического характера.

Изучение состава месяцеслова Русской Церкви — тема серьезная. Являясь самостоятельным жанром православной агиографической и литургической литературы,¹⁵ он по своей структуре представляет

11 Стефановић Д. Е., Указ. доклад.

12 Следует упомянуть и лицевые подлинники — иконописные прориси, необходимые в работе изографов. В этих сборниках изображения святых с соответствующими пояснениями расположены также по дням богослужебного года, в которые со-

вершается их память, что позволяет говорить о лицевых подлинниках как о вариантах месяцесловов.

13 Устав (Типикон). М. 1904.

14 Виноградов В. П., Уставные чтения (Проповедь книги). Вып. первый. Сергиев Посад 1914.

15 Стефановић Д. Е., Указ. доклад.

перечень „под числом“ памятей святых и праздников обычно в порядке сентябрьского года. Однако, кроме современных православных христианских календарей, среди памятников, представленных рукописной традицией Древней Руси, встречаются месяцесловы, организованные в порядке январского года. В качестве примера упомянем месяцеслов в составе псалтири, которую можно датировать 50-ми годами XVI в., из собрания библиотеки Московской духовной академии (ныне — Отдел рукописей ГБЛ, ф. 173, N 11, л. 187—195). Использование „январского года“ в месяцесловах характерно для некоторых русских рукописей новгородского происхождения.

На полях месяцесловов как славянских, так и византийских часто встречаются литеры, обозначающие числа месяцев, ряд — „в руке лет“, ряд — „дней седмичных“, а также знаки, система которых используется для обозначения различных типов богослужений, соответствующих каждому дню года.

С вариантом системы такого рода знакомы все, кому приходится так или иначе пользоваться современным Типиком Русской Церкви.

Пять знаков, смысл которых раскрыт в его 47-й главе „О знамениях владычных и богородичных праздников, и святых“,¹⁶ говорят о пяти основных типах службы Иерусалимского устава:

- 1) бденной великих праздников — „крест в круге“ ,
- 2) бденной средних праздников (с богородичным канонем на утрени) — „крест в полукружии“,
- 3) полиелейной средних праздников — „крест“,
- 4) славословной малых праздников — „три точки в дуге красные“ и
- 5) шестиричной — „три точки в дуге черные“.

Эти знаки представлены в таблице 1.

Переход к „иерусалимской“ традиции в богослужебной практике Русской Церкви был ознаменован появлением ряда списков Типика нового вида. В них наследие „студийских“ уставов как в богослужебной, так и в дисциплинарной частях занимало определенное место. Это следует отнести и к трем знакам, обозначавшим три типа различных служб: великий, средний и малый (верхний ряд табл. 1). Такое разделение встречается во многих относительно ранних рукописных уставах иерусалимского типа.¹⁷ Этот принцип деления праздников „на три чины... на великия же и на средняя и на малая“ часто возводится к традиции Студийского устава и Устава Святой Горы.¹⁸ Само же появление такого принципа связано с именем Никона Черногорца (XI в.), автора „Пандект“ и „Так-

16 Устав (Типикон). М. 1682. Л. 65 об. — 66; То же. М. 1904. Л. 47 об.

Лавры, N 239, л. 54 об.; собр. Никифорова, N 443, л. 116.

17 См., например, ГБА, Рогожское собр., N 731; собр. Троице-Сергиевой

18 См., напр., ГБА, собр. Егорова, N 209, Устав, 1589—1604 гг., л. 57.

тикона“, широко распространенных в греческой и славянской рукописных традициях.¹⁹ Как заметил проф. Московской духовной академии И. Д. Мансветов, статья о разделении праздников на три разряда из „Тактикона“ и вошла в греческий Типик.²⁰

Статья о трех „знамениях“ была сохранена и в печатной традиции русских уставов. Она появляется в первом издании Устава в 1610 г.²¹ в виде главы „О праздниках в них же поется Бог Господь“ (л. 132 об. — 134 об.). В месяцеслове этого издания (л. 239—865) три праздничных киноварных знака (л. 133) печатаются с одной лишь особенностью — знак „Три точки в дуге“ отпечатан черной краской, что объяснимо техническими причинами. Красный знак появляется в виде исключения только в нескольких случаях, например, под 2-м января.

Любопытно, что к великим праздникам, число которых в упомянутой главе этого издания (л. 132 — 134) строго ограничивается господскими, богородичными и четырьмя, перечисленными особо (святых апостолов Петра и Павла, апостола и евангелиста Иоанна Богослова, Рождества Иоанна Предтечи и Усекновения главы Иоанна Предтечи), знаки в месяцеслове относят наряду с памятями некоторых византийских святых многие памяти святых славянских и русских.²²

От служб „киевского“ типа, ограниченных немногими минейными текстами, характерными для студийской практики (например, служба святой равноапостольной Ольге в современной июльской минее), на рубеже XIV и XV веков происходил переход к типу „иерусалимского празднования великому святому для всех чинов святости“.²³ Возможность многообразного использования элементов такой службы (бдение: с малой вечерней, литией и проч.) в различных сочетаниях при составлении новой и породила многообразие служб как вариантов сочетания этих элементов. Это, может быть первую очередь, следует отнести к полученному нами наследию славянских (сербских, болгарских) миней.

Здесь вполне уместно еще раз упомянуть и деятельность Пахомия Логофета. За годы его гимнотворчества в России в том числе и в Новгороде, что особо примечательно для нас в связи с новгородским происхождением Окозрительного устава, из-под его пера

19 В XVII в. велась подготовка к печати переводов этих творений на Московском Печатном дворе, но они увидели свет лишь в конце XVIII в. на западе России. О трех знаках см.: *Тактикон*. Почаев 1794. Л. 17.

20 Мансветов И. Д., Указ. соч. С. 139—140, 192.

21 *Устав (Око церковное)*. М. 1610.

22 Преподобного Сергия Радонеж-

ского — 25 сентября, святителей Петра, Алексия и Ионы — 5 октября, святителя Арсения Сербского — 28 октября, преподобного Авраамия Ростовского — 29 октября, преподобного Варлаама Хутынского — 6 ноября, святителя Петра — 21 декабря, преподобного Антония Римлянина — 17 января и др.

23 Спасский Ф. Г., Указ. соч. С. 98.

вышли 14 служб.²⁴ Направление, данное Пахомием русскому гимнотворчеству, волной многообразия богослужебных текстов обрушилось на клиросы соборов и монастырских церквей.

Семантический подход к вопросу формализации типов служб и заинтересовал к концу XV в. русских уставщиков. Развитие идеи использования знаков и увеличения их числа стало уместным именно по причине расширения отечественного гимнографического материала.

Такой „широкий“ подход к возможности употребления знаков и демонстрирует Окозрительный устав архиепископа Новгородского Геннадия, называемый иногда Геннадиевским уставом, — интереснейший литургический памятник Древней Руси.

Время его предположительного возникновения (при условии действительного авторства архиепископа Геннадия (Гонзова) или принадлежности его неизвестного составителя к кругу новгородского святителя) следует ограничивать годами управления преосвященного Геннадия Новгородской епархией (1484—1504). Отсутствие списков этого памятника ранее середины XVI в., а также прямых документальных свидетельств о времени его возникновения, позволяет принимать этот отрезок времени только в качестве условной даты.

Ранние из известных списков Окозрительного устава относятся к середине XVI в., с начала же XVII в. их становится все больше, а к началу XVIII в. намечается спад их популярности.

Серьезным изучением Окозрительного устава по всей видимости занимался лишь Николай Махаев,²⁵ о чем мы можем судить только по отзыву на его кандидатское сочинение проф. МДА А. П. Голубцова (+1911). Несколько страниц своего исследования о судьбе православного Типика посвятил Уставу архиепископа Геннадия И. Д. Мансветов.²⁶

Появление Окозрительного устава — это, по сути, появление новой формы самой объемной части православного Типика — месяцеслова. Собственно месяцеслов с подневной росписью заменяется табель-календарем, представленным иногда в виде таблицы; вертикаль — дни месяцев с 1-го по 31-й, горизонталь — месяцы с сентября по август, а на их пересечении — знамение-символ службы соответствующего дня.²⁷ Наглядность — главное достоинство такого устав-

24 Такое примерно число указывают исследователи творчества Пахомия (см. Спасский Ф. Г., Указ. соч. С. 102—103).

25 Махаев Николай — выпускник Московской духовной академии 1908 г. (63-й курс); за кандидатское сочинение *Литургическая деятельность Геннадия, архиепископа Новгородского* удостоен премии протонеря А. М. Иванцова-Платонова. Отзыв на

его работу см.: *Извлечение из Журналов собраний Совета Московской духовной академии за 1908 г.* Сергиев Посад 1909. С. 95—99.

26 Мансветов И. Д., Указ. соч. С. 304—309.

27 См., напр., ГПБ, собр. Большаксва, N 342, Обиходник, XVII в., л. 256.

ного пособия. Следует лишь подивиться точности наименования Геннадиева устава Окозрительным (современный синоним — наглядный). Уместными и точно отражающими суть работы с Окозрительным уставом кажутся слова одного из его списков: „Зри очима, внима́й се́рдцем и все́ю мь́слию“.²⁸

Говоря об основных редакциях — „системах“ Окозрительного устава, И. Д. Мансветов ограничивал их число четырьмя, причем к 4-й „системе“ относил тексты по двум спискам ГИМ, Синодального собр., N 392 (946), 1653 г. и ГБЛ, собр. Ундольского (ф. 310), N 121, XVII в. — не имеющих прямого отношения к Окозрительному уставу архиепископа Геннадия, о чем речь пойдет далее. Три же первые „системы“ Окозрительного устава по И. Д. Мансветову это:

- 1) самая полная 43-знаковая редакция (ГИМ, Синодальное собр., N 391 (953), Устав, нач. XVII в. и ГБЛ, собр. Румянцева (ф. 256), N 449, Устав, 1607 г.);
- 2) 40-знаковая редакция (ГИМ, Синодальное собр. N 395 (953));
- 3) 35-знаковая редакция (ГИМ, Синодальное собр., N 401 (902)).²⁹

Однако такое распределение редакций по числу знаков как главной характеристике окажется малооправданным, если ознакомиться не с 6-ю списками Окозрительного устава упомянутыми И. Д. Мансветовым, а хотя бы с двумя-тремя десятками его списков: число знаков варьирует от 17 до 46. Изучение списков Окозрительного устава по материалам различных собраний, хранящихся ныне в ГБЛ, позволяет нам произвести предварительное выявление основных редакций этого памятника. Всего их 5. Позволим себе, дав им условные названия, привести соответствующие каждому из них наиболее характерные списки.

1. Основная редакция

- 1.1. Собр. библиотеки Московской духовной академии (ф. 173. 1), N 11, л. 187—195, 196—212.
- 1.2. Собр. Румянцева (ф. 256), N 449, л. 136—391 об. (месяцеслов), 398—413.

2. Устойчивая редакция (27 знаков)

- 2.1. Собр. Большакова (ф. 37), N 342, л. 256—276 об.
- 2.2. Собр. рукописей, переданных из Синодальной б-ки в б-ку МДА (ф. 272), N 318, л. 403—418.
- 2.3. Собр. Ундольского (ф. 310), N 436, л. 139—155.
- 2.4. Собр. ОИДР (ф. 205), N 230, л. 71—71 об.; 94—114 об.

²⁸ ГБЛ, собр. Ундольского, N 118, л. 20.

²⁹ Мансветов И. Д., Указ. соч. С. 305.

3. Сокращенная редакция

3.1. Собр. Иосифо-Волоколамского монастыря (ф. 113) N 342, л. 63—76 об.

3.2. Собр. Ундольского (ф. 310), N 117, л. 189 об. — 209 об.

4. Расширенная редакция (после 1589 г.)

4.1. Собр. Егорова (ф. 98), N 209, л. 198—239.

4.2. Собр. Ундольского (ф. 310), N 148, л. 4—12.

4.3. Собр. Ундольского (ф. 310), N 148, л. 1—155.

5. Редакция „пискаревская“

5.1. Собр. Д. В. Пискарева (ф. 228), N 9, л. 776 об. — 832 об.

Остановимся на двух из них, представляющихся наиболее интересными и определенными по составу.

Чаще всего в списках XVII в. встречается устойчивая 27-знаковая редакция Окозрительного устава.³⁰ Графика знаков в ней почти тождественна во всех списках с указанным числом знамений. Изменяются лишь виды „табель-календаря“ в зависимости от прилежания и художественных наклонностей создателя каждого из списков. Главы, часто нумерованные, выделенные лишь киноварной буквицей, дают уставную расшифровку — прочтение каждого символа, одинаковую во всех списках этой редакции. Некоторые ее списки имеют дополнения в виде примечаний с отметкой „зри“ на полях. Эти 27 знаков с соответствующей расшифровкой встречаются в большинстве списков Окозрительного устава как ранних, так и поздних (табл. 2).

Существует и другая наиболее расширенная редакция Окозрительного устава.³¹ Кроме „табель-календаря“ и глав, расшифровывающих смысл знамен Устава, она содержит и главы с примечаниями к службам минейного и триодного годовых циклов (2 серии глав), а также дополнительные главы уставного характера. В тексте этих глав встречаются примечания, связанные с богослужебными особенностями некоторых служб в Новгороде. В частности даны „разночтения“ богослужебной практики Софийского собора, Антониева и Хутынского монастырей.³² Сами эти примечания интересны тем, что они содержат конкретные примеры совершения тех или иных служб минеи в соединении с переходящими службами триодно-седмичного цикла, причем примеры эти датированы и относятся ко времени правления Новгородской епархией архиепископов Пимена (1552—1570) и Леонида (1571—1575). Позднейший из таких приме-

30 См., напр., ГБА, собр. Большакова, N 342, л. 256; собр. Ундольского, N 436, л. 139—155; собр. Синодальное, переданное в МДА, N 318, л. 401—418.

31 Четвертая из приведенных редакций — „расширенная“.

32 ГБА, собр. Егорова, N 209, л. 213 об., 216 об. и др. места.

ров датирован 16 августа 1573 г.³³ В одном же тексте этой редакции Окозрительного устава упомянут митрополит как участник чина вечерни в Неделю сыропустную в Софийском соборе Великого Новгорода и его митрополичии певчие.³⁴ Новгородская епархия стала митрополией в 1589 г.,³⁵ что определяет возможный ранний срок возникновения этой редакции.

Эта редакция лучше всего представлена в составе рукописного Устава собрания Е. Е. Егорова (ф. 98, N 209), наряду с текстами „Толкований божественной литургии“ (л. 789—805), малоизвестных посланий митрополита Московского Макария 1556 и 1558 гг., а в части месяцеслова (л. 240—534 об.) — небольшой по объему статьи, проливающей свет на неясность, связанную с датой почитания святителя Саввы Сербского в русской богослужебной практике (л. 375 об. — 376 об.).³⁶ Последний из упомянутых текстов был опубликован Д. Богдановичем по служебной минее, датированной 1-й четвертью XVII в.³⁷ Датированная вкладная запись упомянутого Устава (л. 13—32) позволяет ограничить время возникновения этой статьи не позднее 1605 года.

Знак в месяцеслове, соответствующий службе тому или иному святому не говорит о величине его заслуг перед Церковью — многие столпы Православия, почитаемые как величайшие авторитеты в области догматики, в силу уже упомянутых исторических причин, отмечены скромными по объему гимнографического материала „будничными“ службами. Однако практика неперемного совершения службы бденной какому-либо святому в поместной церкви — свидетельство осознания паствой этой церкви значимости его подвига. Именно о таком осознанном почитании свят. Саввы на Руси свидетельствовали русские месяцесловы, помещавшие „бденную“ память святителя Саввы под 14 января, где она отмечалась соответствующим знаком креста.

Здесь уместно вспомнить, что наряду с традиционными как по своим задачам, так и по своему составу и оформлению месяцесловными главами Окозрительного устава встречаются и иные.

К числу таких можно отнести месяцеслов Устава 1604 г. из собрания Н. П. Румянцева (ф. 256, N 449, л. 136—391 об.). Здесь особый интерес вызывает дополнительный материал, расположенный на полях. Над литерами, обозначающими дни месяца, расположены обрамленные кругом полихромные оплечные изображения святых, в

33 Там же, л. 214 об. — служба Нерукотворному образу.

34 Там же, л. 217—217 об.

35 Строев П. М., *Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви*. СПб. 1877, Стб. 36.

36 Несовпадение даты памяти представления святителя Саввы в устой-

чивой сербской традиции — 14 января — и даты, характерной для поздней русской практики (начиная с XVI в.) — 12 января.

37 В приложении к статье: Богданович Д., *Служба светом Сави у руским минејима XV—XVII века / Свети Сава: Споменаца поводом осамстогодишњице рођења 1175—1975*. Београд 1977. С. 349—360.

том числе и сербских, а также знамения Окозрительного устава. Такой многофункциональный вариант месяцеслова, соединяющий уставной и изографический материал, очень редок, а с учетом семиографического элемента, присутствующего в нем, — просто уникален (см. табл. 4).

Эта рукопись, несомненно заслуживающая публикации, свидетельствует о присущих месяцеслову, как жанру, не только агиографической, но и зортологической и гимнографической литературы, многофункциональности и универсальности.

Заявление И.Д. Мансветова о том, что Окозрительный устав не имел широкого применения, так как хороший уставщик знал все его типы служб наизусть,³⁸ плохо сочетается с фактом двухсотлетнего его бытования в Новгороде, а именно с Новгородом так или иначе связаны многие его списки.³⁹ Скорее всего Окозрительный устав служил пособием в деле подготовки новых клиросных уставщиков, которые по усвоении его „премудрости“, действительно уже могли и не заглядывать в него за справкой, но несомненно имели возможность использовать его уже как наставники своей молодой смены.

В отношении Окозрительного устава следует заметить, что знак службы в нем говорит не только и не столько о ее разряде важности (бденная, славословная, шестиричная), но и о том, сколь полон в ее тексте набор возможных гимнографических элементов (наличие славника на стихирах, количество тропарей песен канона и пр.). Именно в этом и состоит принципиальное различие в подходе к вопросу типологии служб минейного круга между Окозрительным уставом архиепископа Геннадия и 3—5 знаковыми уставами, восходящими к византийской традиции.

Таким образом, „табель-календарь“ (число календаря в сочетании со знаком) и главы, раскрывающие смысл знаков Окозрительного устава, функционально соответствовали месяцесловной, самой объемной главе нашего Типикона, где под числом месяца подробно расписывается служба по имеющемуся минейному материалу.

Но был и другой подход к задаче формализации многообразия типов служб минейного цикла для соотнесения их со знаковой системой. Этот подход довольно богато иллюстрируется отечественным рукописным материалом.

Большую известность в единоверческой среде получил в свое время „Ключ к Церковному уставу“, составленный Н. Сырниковым в Рильске и напечатанный в Москве в 1890 г.

46 знаков „Ключа“ дают характеристику не столько службы в целом, сколько отдельных ее элементов (табл. 3).⁴⁰ Например: „Идэже

38 Мансветов И. Д., Указ. соч. С. 306.

39 См. упомянутую вкладную запись, ГБА, собрание Егорова, N 209, л. 13—32.

40 Сырников Н., *Ключ к церковному Уставу*. М. 1890. Л. 14—16.

столбики, ту слáвники. Чёрные указуют на вечерни, а красныя на ўтрени".⁴¹ Полное же представление о службе можно получить, рассмотрев набор нескольких знаков, каждый из которых говорит о наличии того или иного элемента в структуре богослужения.

Слова псалмопевца „Благославилю Господа, вразумившего мя“ (Пс. 15, 7), предпосланные в качестве эпитафии составителем тексту этого пособия, не следует рассматривать как указание на его, Сырникова, заслугу первооткрывателя нового „окозрительного“ принципа. Ретроспективный обзор рукописных уставов с семиографическими элементами приведет нас от этого печатного „Ключа“ через многочисленные списки XIX и XVIII вв., использующие те же, что и у Сырникова, знаки,⁴² к более ранним, относящимся к XVII в. К числу последних относятся два уже упомянутых, которые И. Д. Мансветов объединил в 4-ю редакцию — „систему“ Окозрительного геннадиевского устава.⁴³

Понятно, что число различных возможных сочетаний таких систем в несколько раз превосходило число конечного, ограниченного четырьмя десятками знаков, набора Устава архиепископа Геннадия. Такой комбинаторный подход к формализации типов служб в семантическом отношении явился своеобразным пиком развития окозрительного принципа в уставных сборниках Русской Церкви.

Можно смело говорить о самостоятельности знаковых систем Окозрительного устава архиепископа Геннадия и указанных сейчас памятников по отношению к традиции греческих Типиков, хотя основой для разработки первых послужили три основных знака, с которых и был начат этот краткий экскурс в историю семиографии богослужебных уставов славянской традиции.

С сожалением следует заметить, что все это „семантическое богатство“ славянских рукописных уставов не нашло своего места в печатных типаках позднейшего времени. И если появившиеся вслед за Уставом 1610 г. издания 1633 и 1641 гг.⁴⁴ продолжали воспроизводить уже упомянутый текст Никона Черногорца и относящиеся к нему три знака,⁴⁵ то в редакции Типикона 1682 г. уже печатается статья о пяти знаменьях, появившаяся в результате справки, при которой имело место „правление его (Устава — Б.Д.) преимущественно по греческим образцам“.⁴⁶

41 Там же. А. 23.

42 См., например, ГБА, собр. Синодальное, переданное в МДА. N 464, *Сказание окозрительному знамению всякому числу, XIX.*

43 Мансветов И. Д., Указ. соч. С. 305. К этим двум спискам можно добавить по сообщению А. М. Пенковского и список ЦГАДА, Типографского собр., N 395.

44 *Устав (Око церковное)*. М. II. 1633, IX. 1633, III. 1641.

45 Как и в издании 1610 г. графика и цвет этих знаков варьируют вследствие технических причин. Иногда встречаются „неокиноваренные листы“ — *Устав (Око церковное)*. М. 1641. Л. 703.

46 Мансветов И. Д., *Как у нас правились церковные книги. Материалы для истории книжной справки в XVII столетии*. (По бумагам архива Типографской библиотеки в Москве), М. 1883. С. 35.

Эти новоявленные в России „образцы“ не вызывают особого интереса ни в отношении синоптики богослужебных уставов, ни для изучения традиции почитания славянских святых.

Богослужбное почитание святых в православной традиции по сути является реальным свидетельством единства и близости прославленных за свои подвиги христиан, ревновавших о вечной жизни на протяжении двухтысячелетней истории Церкви, и нас, живущих на исходе XX столетия. И когда мы собираемся в церковь, наши молитвословия, прославляя подвиг благоугодивших Господеви, напоминают об истинном братстве наших, просвещенных апостольской проповедью, народов — братстве во Христе.

ОКОЗРИТЕЉНИ ТИПИК. СРПСКИ УТИЦАЈ НА ЊЕГОВУ ПОЈАВУ И ДЕЛОВАЊЕ У РУСИЈИ

Поред васељенских светаца и оних који се у Русији славе, значајно место у богослужењу руске цркве заузимају и спомени на словенске свеце. То је у потпуности закономерно, јер је пут хришћанства у Русији ишао преко словенских земаља, а носиоци хришћанске културе и, наравно, литургијске културе постали су за Русе народи који су населили Балкан.

Овај процес није био јединственог карактера. Савремени истраживачи наилазили су, још крајем XII века, на спомене руских светаца у јужнословенским месецословима: слављење кнежева мученика Бориса и Глеба (24. јула) и преподобног Теодосија Печерског (3. маја), и на празнике везане искључиво за традицију руског богослужења: освећење Цркве св. великомученика Георгија у Кијеву (26. новембра) и пренос моштију светитеља Николе из Мира ликијских у Бари (9. маја) 1087. г.

Међу оригиналним споменицима руске цркве посебно место заузима Окозритељни (Илустративни) типик архиепископа Новгорода и Пскова Генадија (+1505), који до дана данашњег није привукао одговарајућу пажњу истраживача. Он у ствари представља резултат стваралачког и осмишљеног односа према познатим литургијским променама које су се у Русији догађале од XVI до XVII века, када је Јерусалимски типик толико преовладао да је почетком XVIII века потпуно истиснуо Студијски типик.

Активно деловање Окозритељног типика почиње његовом појавом у Новгороду, на прелазу XV у XVI век, и траје до краја XVII века, кад његова популарност почиње да опада. Зато није случајно што његови многобројни преписи, у пет основних редакција, садрже трагове многих промена карактеристичних за праксу руског богослужења тог доба.

Можемо рећи да ситуација која је предодредила појаву Окозритељног типика, као и прилике које су утицале на садржај његових редакција, у многоме јесу резултат јужнословенског, између осталог и српског утицаја.

Најзначајнијим факторима богађења литургијске традиције руске цркве, под дејством ових утицаја, можемо сматрати:

- активност манастира Хиландара и боравак српских инока на Светој гори атонској;
- радове светитеља Кипријана, митрополита Кијевског и свеколике Русије (+1406);
- стваралаштво српског химнографа Пахомија Логотета, који је живео у Русији у XV веку.

Због тога није ни чудно што у неким преписима Окозритељног типика налазимо елементе српске литургијске праксе, тј. упутства за бележење спомена на српске свеце. Осим тога, сама појава Окозритељног типика везана је за потребу систематизовања и типологизирања доста обилатог химнографског материјала, који је на почетку XV века попунио руске минеје прво творевинама Пахомија Логотета, па затим и његових следбеника.

Историја богослужења у руској цркви може бити подељена на три периода, од којих је сваки везан за доминантно деловање једне

од три врсте типика: Типика Велике цркве, Студијског типика и Јерусалимског типика.

Студијска традиција богослужења доминирала је у Русији до XV века, када је постепено почео да стиче популарност Јерусалимски типик, који се појавио у последњој четвртини XIV века.

Овде би се требало поново сетити горе наведених фактора који су извршили утицај на руску литургијску традицију.

Одмах после српских и бугарских, руски иноци су позајмили Јерусалимски типик. Контакт руских инока на Светој гори атонској, као и рад митрополита Кипријана, довели су до таквог преображаја који је изменио не само праксу саборних и манастирских служби Свете Русије већ и правац развоја руске химнографије, као и целокупне црквене уметности.

Неки савремени музиколози приметили су одређени „преокрет“ у карактеру руског богослужбеног певања, испољен већ у другој половини XV века, и повезали га са променама типика у Русији.

Једноставан и немногоречив у варијантама дневних служби, Студијски типик је потиснут у други план. Вечерње бденије са најширом палетом елемената минејних текстова сменило је, у смислу узорка, лаконске студијске „празнике“ (по химнографском материјалу).

Стваралаштво Србина Пахомија Логотета дало је у том тренутку поновни импулс развоју руске химнографије.

Месецослов у саставу типика по функцији јесте богослужбени коментар за сваки дан у години. На маргинама словенских, и византијских месецослова такође, често срећемо литере, које означавају број месеца, ред „в руце лета“, ред „дана седмичних“, као и систем знакова за означавање различитих врста богослужења који одговара сваком дану у години.

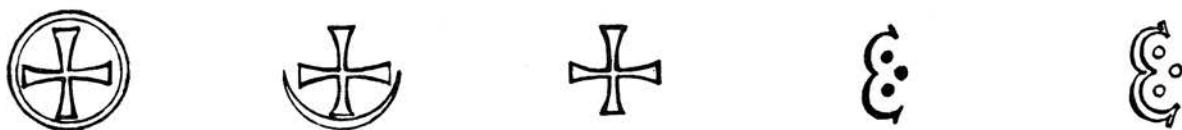
Као што је професор Московске духовне академије И. Д. Мансветов (+1885) навео, члан о подели празника на три категорије пренет је из „Тактикона“ у грчки типик. У варијантама Јерусалимског типика, које су крајем XIV века замениле студијске типике у Русији, сачувана је подела празника на категорије и њихово обележавање знацима. Осим тога, дошло је до појаве семантичког приступа типологизацији служби, према постојању химнографског материјала (стихира, тропара и сл.) у њиховим текстовима. На прелазу XV у XVI век у новгородском крају почео је да делује већ поменути Окозрителни типик архиепископа Генадија.

У систему знакова Окозрителног типика реализована је самостална идеја карактеристична баш за словенску традицију. На жалост, она није дошла до изражаја у штампаним типцима са грчким образцима (московска издања, почев од 1610. г.), који за истраживаче нису интересантни ни са тачке гледишта семиографије богослужбених типика, ни са тачке гледишта проучавања традиције поштовања словенских светаца.

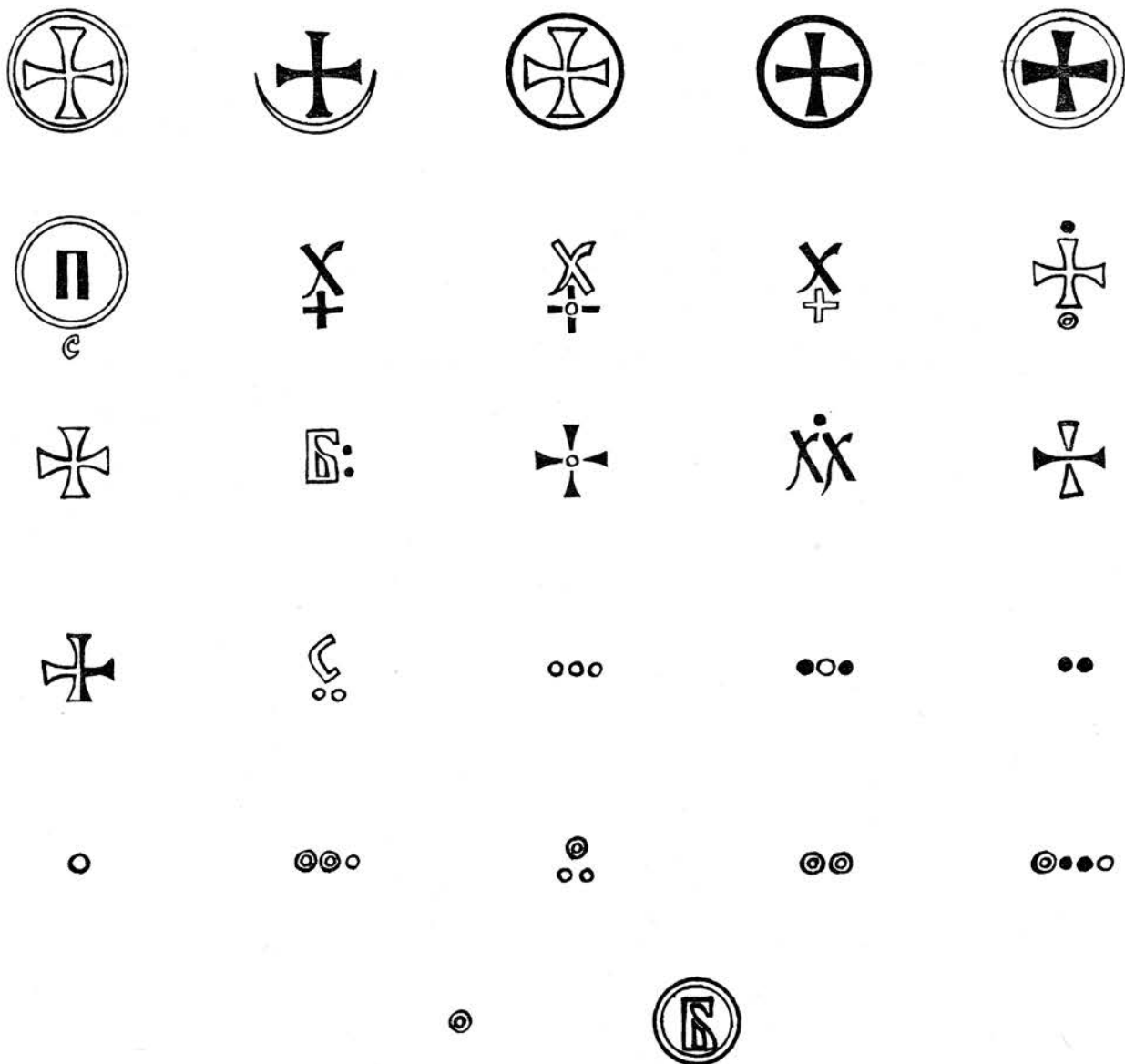
Богослужбено поштовање светаца у православној традицији представља у суштини сведочанство о јединству и блискости хришћана прослављених за своје подвиге, и нас који живимо на крају XX столећа.

ТАБЛИЦЫ

ПРИ ВОСПРОИЗВЕДЕНИИ ЗНАКОВ ОКОЗРИТЕЛЬНОГО УСТАВА КОНТУРНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ СООТВЕТСТВУЮТ КИНОВАРИ В РУКОПИСНЫХ ОРИГИНАЛАХ

ТАБА. 1. ЗНАКИ ОСНОВНЫХ ТИПОВ СЛУЖБ ИЕРУСАЛИМСКОГО УСТАВА.

ТАБА. 2. 27 ЗНАКОВ НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННОЙ РЕДАКЦИИ ОКОЗРИТЕЛЬНОГО УСТАВА.

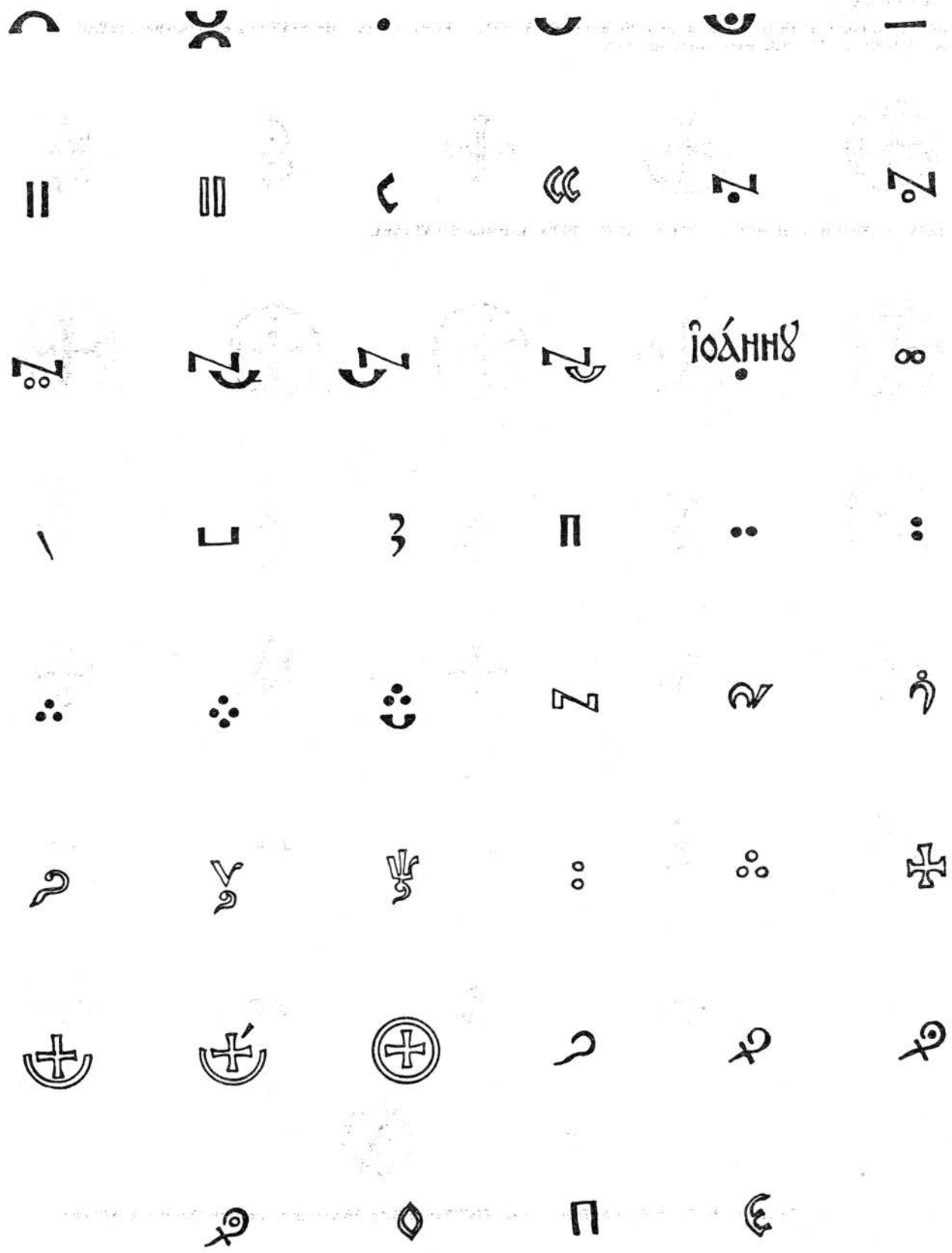

ТАБЛ. 3. ЗНАКИ „КЛЮЧА К ЦЕРКОВНОМУ УСТАВУ“ (М. 1890).

Діс

вѣстѣи; Прѣдѣльнѣишии и всеннѣи. и вранѣ
 извѣннѣи глазѣтѣи и мѣстѣа. всендѣльшѣа
 спсѣа прѣни проскѣщенѣа. и прѣснѣа. сѣвы сѣрѣь
 сѣа. п. м. с. п. ч. р. в. нѣнѣ. канѣны прѣа. вѣ.
 канѣна сѣа мѣи прѣа. по. д. пѣв. чѣстнѣи шѣнѣ по сѣтѣ
 сѣтѣ. г. на хѣвѣ прѣа. сѣа сѣловѣнѣи. мѣа мѣтѣоу рѣтѣн
 мѣтѣи прѣа. аплѣ. нѣу лѣе. днѣо. прѣи. прѣа. прѣо. сѣвѣ.
 лѣа. и. православѣи ѣстѣа мѣи. пѣтѣа. дѣ. сѣв. сѣвѣ
 лѣа. в. Грѣи сѣловѣнѣи дѣтѣоу ѣстѣтѣ вѣго мѣоу рѣ
 сѣтѣи мѣ сѣа о рѣзѣ мнѣ сѣтѣа дѣтѣ вѣспѣтѣа. и
 зѣи мѣоу бѣоу хѣвалѣоу зѣ сѣла мѣ. бѣстѣна мѣа жѣ
 пѣтѣи прѣиносѣа сѣе. и сѣтѣи сѣа мѣ зѣвѣ мѣтѣи хѣ
 тѣи сѣи сѣвѣ мѣи зрѣчѣнѣи. прѣвѣо мѣтѣ вѣвѣ сѣ
 колѣо колѣвѣ сѣа прѣа пѣзѣна вѣраго рѣвѣ сѣтѣ жѣа
 дѣа пѣо шѣбѣнѣо. мѣи о гдѣ сѣтѣнѣо. Прѣвѣи шѣа
 шѣи сѣго. пѣа лѣа фѣвѣнѣсѣаго. шѣа мѣа коушѣнѣи сѣа.
 хѣрѣи тѣопа. вѣа кѣлѣ. и пѣтѣи мѣ. а дѣна сѣа.
 п. м. с. п. ч. р. вѣрѣ сѣтѣи. сѣо мѣа. сѣа. гѣа. гѣа.
 вѣ. прѣсѣа мѣи рѣа. и мѣ. сѣв. мѣ сѣтѣи зѣо шѣ сѣа. гѣа. сѣ.
 прѣвѣнѣ сѣтѣ. прѣо. сѣтѣа. и сѣ. гѣа. дѣ. бѣжѣи оушѣна.
 мѣрѣи. по. гѣа. нѣа чѣнѣа сѣмѣ. пѣвѣа. дѣ. сѣдѣи оушѣ
 тѣи оушѣ жѣнѣтѣи сѣтѣго шѣа мѣа. а прѣсѣчѣи пѣсѣтѣ корнѣи
 жѣнѣтѣи сѣтѣго пѣа вѣа. а сѣа. вѣрѣ сѣго оушѣ сѣа. и на
 чѣна сѣтѣи нѣа тѣи на зѣрѣнѣи. сѣа мѣ. оушѣ сѣдѣи.
 сѣтѣи дѣна. и. по. гѣа. пѣвѣи. шѣа мѣ. лѣа. сѣ. бѣу клѣнѣи
 сѣа сѣи жѣнѣтѣи прѣвѣо мѣнѣи. ко прѣнѣтѣи мѣи оушѣ
 сѣтѣи мѣо мѣоу оуправѣи сѣи бѣжѣнѣи сѣсѣтѣи сѣвѣо мѣ. и
 нѣсѣтѣи сѣи сѣа ко жѣсѣтѣоу. а сѣо вѣи сѣго шѣа мѣа сѣа сѣа
 тѣо сѣи прѣтѣи сѣа коушѣи пѣи. вѣтѣрою вѣо пѣи оушѣи прѣтѣи
 вѣдѣнѣ сѣоудѣ. и вѣсѣвѣа лѣоушѣи мѣ сѣтѣи тѣоно сѣоу

Еще